

История развития прав детей

В древнейший период развития первых государств основополагающей позицией в отношении прав детей была позиция полной власти взрослого (чаще отца) над ребенком практически любого возраста.

Например, в Римском государстве власть отца была абсолютной. Гай в Институции Гая (II-I век до нашей эры, 3-я книга, пар. 1) называет институт отцовской власти «*ius proprium civium romanorum*» (строго национальным институтом римских граждан).

Самостоятельным лицом был только отец (*personas in iuris, pater familias*); сыновья и дети были лицами чужого права (*persona alieni iuris*). Власть над детьми принадлежала именно отцу, а не обоим родителям.

Центральным полномочием домовладыки было право жизни и смерти (*ius vitae ac necis*), которое оставалось в силе весь классический период (17 год до нашей эры - 235 год нашей эры). В личном отношении от воли отца зависело прежде всего, сохранить ли жизнь своему новорожденному ребенку или нет: он мог даже выбросить его. Отец имел право продавать своих детей или в полное рабство, или в рабство внутри государства. Конечно, фактическое положение детей могло быть иным, но юридически отец признавался неограниченным властелином самой личности ребенка.

Дальнейшее развитие прав ребенка на жизнь и охрану здоровья в римском законодательстве заключается в постепенном ослаблении абсолютной власти домовладыки. Право выбрасывать новорожденных детей (*jux expromendi*), по сообщению Дионисия Галикарнасского (30 год до н.э.), было запрещено (кроме случаев явного уродства) уже Ромулом. Но вероятно, в этом сообщении имеется в виду только веление обычая и религии, а не права, т.к. *jux*

exponendi существовало и в более позднюю эпоху и окончательно будет уничтожено только в период империи.

Наконец, рядом указов императора Константина у отца было отнято право «жизни и смерти» ребенка – сыноубийство стало приравниваться к убийству. *Vita en ecis que potestas* ограничивается при Константине наказанием провинившегося сына. За произвольное убийство домочадца назначается смертная казнь (*roenasullei*) как за убийство кровного родственника (*parricidium*). В 395 году власть домовладыки наказывать подвластных вообще ограничивается только воспитательными целями, а применение суровых мер запрещается. Кодекс Юстиниана говорит о *vita en ecis que potestas* как об уже не существующем древнем порядке.

В то же время начинает подвергаться контролю и дисциплинарная власть отца. Согласно указу императора Траяна власти могут принудить отца, злоупотребляющего своими правами, освободить сына от отеческой власти *patria potestas* (fr.5. D.37.12). В императорское время также стали возможны жалобы детей магистратам. Благодаря всем этим ограничениям *patria potestas* над личностью детей к концу развития императорского периода утратила почти всю свою патриархальную остроту.

В законодательстве Древней Месопотамии мы также встречаем закрепление приоритета родительского права над правом детей. И если наказание отца за злоупотребление своей властью в семье не осуждается, то провинности детей караются крайне строго: «Если сын ударит своего отца, то ему должно отрезать пальцы. Если приемный сын евнуха или приемный сын зикрум скажет своему отцу, вырастившему его, или своей матери, вырастившей его: «Ты не мой отец» или «Ты не моя мать», то ему должно отрезать язык» (ЗХ, пар. 192, пар. 195, ЗХ)».

Положение детей в семье было различным в северной и южной частях Франции. В стране обычного права (XVI-

XVII века) родительская власть рассматривалась как своеобразная опека и сохранялась в основном до совершеннолетия детей. На юге под влиянием римского права утвердилась сильная отцовская власть над детьми. В период позднего средневековья отец даже получил право просить у королевской администрации заключения в тюрьму непокорных детей.

Французский Гражданский кодекс (Code Napoleon) 1804 года говорит о праве ребенка так:

«Параграф 371. Ребенок в любом возрасте обязан оказывать повиновение и уважение своему отцу и матери.

Параграф 372. Он находится под их властью до того, как станет совершеннолетним или приобретет полную дееспособность».

«Параграф 375. Отец, у которого имеются достаточные и серьезные основания сомневаться в достойном поведении своего ребенка, обладает следующим средством для его наказания:

Параграф 376. Если ребенку исполнилось 16 лет, то отец может поместить его в тюрьму на срок, который, однако, не может превышать одного месяца. Во исполнение этого президент окружного суда обязан выдать ордер на его содержание в тюрьме по требованию отца.

Параграф 377. Если ребенку до 16 лет, отец может только попросить поместить ребенка в тюрьму. Причем такое прошение органы власти должны рассмотреть и принять решение: удовлетворить его или отклонить».

Ни в первом, ни во втором случае от суда не требовались никакие письменные документы, – даже не соблюдались какие бы то ни было формальности, за исключением выдачи ордера на содержание в тюрьме. Считалось, что вообще нет необходимости предъявлять объяснения для содержания ребенка в тюрьме. Всю конструкцию власти отца над домашними можно охарактеризовать как слабую форму *patria potestas* домовладыки в римском праве.

Средневековое право Германии (Салическая правда, V-VI века нашей эры) закрепляло власть отца в семье, но она была не столь широка, как, например, в Риме, напоминая скорее строгую пожизненную опеку над дочерью или сыном, которая прекращалась по достижении ими 14 лет.

Феодальное брачно-семейное право Англии (Правда Этельберта VI век нашей эры, Правда Инэ VII век нашей эры, Правда Альфреда IX век, Законы Кнута XI век) определяло патриархальный характер семьи, строящейся под управлением отца.

В Индии (Законы Ману, II век до нашей эры - II век нашей эры) потомство, как и скот, признавалось основным видом богатства (ЗМ, IX, 52-55). В силу этого законным отцом ребенка считался муж матери независимо от того, кто был им фактически. Допускалась, хотя и считалась грехом, продажа детей (ЗМ, XI, 69); при этом продажа сыновей не влекла, как правило, обращения их в рабов. Подаренные и проданные в крайних обстоятельствах сыновья получали права прямых родственников в новых семьях.

Моисеево право (Израиль) содержится в Ветхом завете: во второй (Exodus), третьей (Leviticus) и пятой (Deuteronomion) книгах. Представленные в них правовые нормы расположены не систематизированно, а вразброс, в виде совокупности большого количества различных правил, фигурирующих в форме предписаний, относящимся более к религиозным церемониям и обрядам, чем к собственно правовым нормам и правилам поведения.

Этот теократический взгляд на право наказания через гнев Бога (Jahve) приобрел большое влияние в период Средневековья, распространяясь через католическую церковь и особенно усилившись после Реформации в протестантских странах (например, в Швеции). Право соответствующего наказания господствовало в этих странах вплоть до середины XVIII века. Например, пятая Книга Моисеева (Второзаконие), глава 21.18-21, гласит: «Если у

кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их; То отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города. И скажут старейшинам города своего: «сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница»; Тогда все жители города его пусть побьют его камнями до смерти; и так истреби зло из среды себя, и все Израильтяне услышат и убоятся...».

Право Древнего Китая определяло главу семьи как ее властителя. В древности отец мог продавать детей, кроме старшего сына, пользовавшегося рядом преимуществ перед другими детьми. Беснаказанность убийства отцом, матерью, дедом и бабкой по отцу сына или внука вследствие нанесения им побоев сохранилась до XIX века.

Наказывались также сыновья и внуки, пытавшиеся без разрешения отселиться от большой семьи или присвоить часть семейного имущества.

Кража отца у сына не считалась преступлением, но донос на старшего в семье, даже совершившего преступление, строго наказывался. Вообще положение старших и младших в семье влияло на тяжесть наказания как за семейные, так и за другие преступления (Ли Цзы, кн.1). В то же время отсутствие детей рассматривалось как проявление сыновней непочтительности и считалось наиболее тяжким из других видов непочтения к родителям.

Несовершеннолетние дети в патриархальных обществах стран обычного права тропической Африки также были полностью зависимы от отца, имевшего над ними неограниченную власть. В этом отношении положение мальчиков мало отличалось от положения девочек, исключая разве правоспособность мальчика сделаться в свою очередь главой семьи или основать семью за пределами дома. Кроме того, на мальчика ложилась обязанность поддержания культа предков, продолжения

традиционной группы. Только по достижении половой зрелости они приобретали дееспособность: могли реализовывать некоторые наиболее общие права и обязанности.

В древней Аравии до Ислама родители избавлялись от нежеланных новорожденных дочерей, закапывая их в землю живьем (поскольку научный прогресс позволил людям узнать пол ребенка еще в утробе матери, даже сегодня некоторые китайцы и индийцы предпочитают сделать аборт, узнав, что плод женского пола).

Исламское право характеризуется устойчивостью теократического взгляда на жизнь и здоровье человека и строится на положениях Корана. Как и в Моисеевом праве, основные постулаты базируются на исполнении Божественной воли, провозглашенной людям в письменных источниках. «Жизнь - это дар, дающийся Богом, а право на жизнь гарантировано каждому человеческому существу» - сохранение человеческой жизни на срок, назначенный Богом, – обязанность, предписанная Шариатом. «Новорожденные беспомощны и беззащитны, они не способны оградить себя от посягательств на жизнь и здоровье». Именно по этой причине с самых истоков Ислама право на жизнь и здоровье распространяется на всех детей независимо от их пола, расы или происхождения. В соответствии с Хадисом, традицией времен Пророка Мухаммеда, одним из самых больших грехов является убийство детей из страха, «что они разделят вашу пищу». Священный Коран строго запретил детоубийство, широко распространенное в языческой Аравии: «Из страха обеднеть, своих детей не убивайте. Мы пропитаем их и вас. Ведь убивать их – грех великий». Обычай детоубийства в основном применялся к девочкам, чье появление на свет означало позор и бремя для их отцов, как мы узнаем из Корана. Вообще, насилие над детьми как в стенах родного дома, так и за его пределами несовместимо с учением

Ислама: «Чрезмерно строгая дисциплина вредна и презирается Исламом».

Родительская власть на Руси была весьма сильна, хотя права жизни и смерти над детьми родители, по-видимому, формально никогда не имели. Однако убийство детей не рассматривалось в качестве серьезного преступления. По Уложению 1648 года за убийство ребенка отец приговаривался к году тюремного заключения и церковному покаянию. Дети же, убившие своих родителей, подвергались смертной казни.

Принуждение детей к повиновению осуществлялось отцом с помощью домашних наказаний. «Домострой» рекомендует в этом случае «биение жезлом и сокрушение ребер». Государство принципиально в эти отношения не вмешивалось. Жаловаться на родителей дети не могли. За одну только попытку подать жалобу Уложение 1648 года предписывало «бить их кнутом нещадно».

Родители могли обратиться для наказания детей и к публичным властям. Дело в этом случае по существу не рассматривалось и в суть обвинений никто не вдавался. Достаточно было одной только жалобы родителей, чтобы приговорить ребенка к порке кнутом. Родители имели право отдавать детей в холопство; несмотря на осуждение церкви, практиковалось и пострижение их в монахи.

В петровские времена родительская власть смягчается – родители уже не вправе насильно венчать своих детей или отдавать их в монастырь.

Право родителей применять физические наказания в отношении детей не было отменено до 1917 года, хотя начиная с XVIII века оно постепенно стало ограничиваться запретом калечить и ранить их, а также введением ответственности за доведение несовершеннолетних до самоубийства. Но и в конце XIX века, если за умышленное убийство своих детей родители наказывались даже строже, чем за убийство постороннего лица, то за неосторожное

убийство детей в процессе наказания они подвергались гораздо менее тяжкой каре, чем другие неосторожные убийцы (за особо жестокое обращение с детьми родители отделялись внашением за закрытыми дверями).

Родители по-прежнему могли использовать публично-правовые меры против непокорных детей. Уложение о наказаниях (статья 1593) разрешало по требованию родителей заключение детей в тюрьму на срок от трех до четырех месяцев за неповиновение родителям или развратную жизнь.

В XIX веке такое положение стало настолько противоречить существующим в обществе представлениям, что губернаторы, к которым родители все еще изредка обращались с подобными требованиями, отказывались их осуществлять.

Для рассмотрения жалоб родителей на детей был создан специальный совестный суд, который не только вел разбирательство, но и примирял стороны. При этом родители не должны были представлять какие бы то ни было доказательства вины детей. Исследование этого вопроса считалось неуместным. У детей спрашивали, что они могут сказать в свое оправдание, но если в их ответах содержалось что-либо, что могло бы квалифицироваться как «наветы на родителей» или «выражение непочтения», это только усугубляло вину.

В своде законов Российской империи (статья 161 Законов гражданских) было записано, что «власть родителей простирается на детей обоего пола и всякого возраста с различием в пределах, законом для сего поставляемых». Родительская власть только несколько ограничивалась с поступлением сыновей на службу и выходом дочерей замуж, поскольку дочь не могла одновременно находиться под неограниченной властью мужа и родителей.

Справедливости ради надо заметить, что практически во всех странах мира в разные исторические периоды, несмотря на то, что родители имели право распоряжаться своими детьми, они же были обязаны их воспитывать и предоставлять им необходимую заботу.

В Законах царя Хаммурапи (1792-1750 годы до нашей эры) выше имущества и богатства ставилось здоровье, долголетие и дети. Сурово наказывались похищение и подмена ребенка (ЗХ, 14, 194). так как жизнь человека в древней Месопотамии считалась неполной, если у него не было нескольких детей.

В Англии XII века Законом Генриха II предписывалось, чтобы всякая девушка, забеременевшая вне брака, сообщала об этом властям. Если она этого не делала, то при гибели ребенка (вне зависимости от причин) она подлежала смерти.

Французская Салическая правда (Lex Salica) V-VI века гласила:

«Параграф 1. XXIV. Если кто лишит жизни мальчика до 10 лет включительно и будет уличен, присуждается к уплате 24 000 ден., что составит 600 сол.».

«Параграф 4 . Если кто лишит жизни ребенка в утробе матери раньше, чем он получит имя, и это будет доказано, присуждается к уплате 4 000 ден, что составляет 100 сол.».

Средневековое право Германии - Каролина, 1525 год:

«Ст. С XXX. Женщина, которая злоумышленно, тайно и по своей воле убьет своего ребенка, уже получившего жизнь и сформировавшего члены, да будет согласно обычаю заживо погребена и забита кольями».

«Ст. С XXXIII. Если кто-нибудь изгонит живой плод у женщины путем насилия, вредной пищи или напитка, а также, если кто сделает бесплодным мужчину или женщину и если подобное деяние учинено умышленно и по злой воле, то мужчина должен быть казнен (путем отсечения головы) мечом, а женщина, хотя бы она учинила это сама над собой,

должна быть утоплена или подвергнута иной смертной казни».

Под воздействием идей Возрождения и гуманизма в Беларуси, входившей в XVI века в состав Великого княжества Литовского, были приняты три Статута (1529, 1566 и 1588 годов), которые являлись выдающимися правовыми документами всего европейского континента. В них взаимоотношения детей и родителей урегулированы уже с позиций признания ценности человеческой жизни.

Статут ВКЛ 1529 года: «13. Если бы сын ударил отца или оскорбил, или как-либо притеснял и унижал, то отец может такого сына лишить наследства. Таким же образом поступает и мать».

«Раздел 7.14. Если бы кто-либо убил своего родного отца или мать, тот приговаривается к бесчестью и смертной казни».

«Раздел 11.10. Если бы кто-нибудь из-за голода продал в рабство... своего сына, то такой договор не должен иметь силы, и когда прекратится голод, тот человек, достав деньги, отдаст их кредитору, а сам снова станет свободным».

Подчеркивая важность новых концепций в законодательстве, канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега в предисловии к Статуту 1588 года так определял иерархию ценности прав человека, закрепленных волей государства: «...Целью и результатом всех прав есть и должны быть на свете, чтобы каждый человек добрую славу свою, здоровье и имущество в целости имел, а на так всякого ущерба не терпел».